

Н. С. Гринбаум

ЯЗЫК ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ХОРОВОЙ ЛИРИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ПРОБЛЕМА образования языков художественной литературы в древней Греции не решена до сих пор в гречистике¹. Актуальность ее рассмотрения кроме соображения методологического порядка вызывается и той новой ситуацией, которая создалась в классической филологии в результате дешифровки М. Вентрисом крито-микенских текстов XIV—XII вв. до н. э.²

Хоровая лирика, один из древнейших жанров греческой литературы, тесно связана с культом и обрядом³. Отдельные виды хоровых песен неоднократно упоминаются в гомеровских поэмах. Их исполняют ахейцы в различных центрах архаической Греции⁴.

В силу ряда обстоятельств, связанных с историческим развитием, хоровая лирика находит в VII—VI вв. до н. э. наиболее благоприятную почву и сохраняется преимущественно в дорийских областях и, в частности, в Спарте. Исходя из этого и учитывая некоторые языковые особенности, исследователи пришли к заключению, что дорийцы являются создателями хоровой лирики и дорийский диалект лежит в основе ее языка⁵.

С такой постановкой вопроса согласиться нельзя. Культивирование хоровых песен никогда не было лишь привилегией дорийцев, их исполнение входило в программу всегреческих религиозных празднеств. Среди представителей греческой хоровой лирики дорийцы — редкое явление⁶. Они появляются на арене греческой истории относительно поздно — в конце I тыс. до н. э.

Вклад дорийцев в греческую литературу весьма скромнен⁷. Где, когда, на каком этапе развития дорийских племен и при каких условиях возник язык хоровой лирики — на все эти вопросы исследователи ответа не дают.

¹ Ср. П. М. Тронский, Задачи советского языкознания в области античных языков. «Известия АН СССР», ОЛЯ, XVII, 1958, 3, стр. 239, 240.

² M. Ventris, J. Chadwick, Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives, JHS, vol. 13, 1953, стр. 84—103.

³ M. Schmidt, O. Stählin, Geschichte der griechischen Literatur, Bd I, München, 1929, стр. 336.

⁴ С. М. Вовга, Greek Lyric Poetry, Oxf., 1936, стр. 5.

⁵ См. подробнее об этом Н. С. Гринбаум, Диалектная база языка Пиндара, сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 266—274.

⁶ F. Dornseiff, Pindars Stil, В., 1921, стр. 6—7.

⁷ A. Meillet, Aperçu d'une histoire de la langue grecque. P., 1930, стр. 199: «En littérature, rien ne vient des Doriens».

Признание тезиса об объективном характере процесса формирования языков художественной литературы на базе соответствующих языков⁸ и тезиса об архаичности жанра греческой хоровой лирики⁹ привело нас к предположению, что язык этого жанра, как и эпического, должен был складываться на реально существовавшем языковом ареале. Этот архаический ареал, если он действительно существовал, должен был оставить свои следы не только в художественной литературе, но и в других памятниках греческой письменности. Крито-микенские тексты подтвердили, что некоторые элементы литературного языка, признававшиеся до сих пор чисто поэтическими, были характерны для греческой прозы уже во II тыс. до н. э.¹⁰ Однако, как известно, отдельные элементы поэтического языка встречаются в греческом эпиграфическом материале и значительно позже — в V — IV вв. до н. э. Возникает в связи с этим ряд вопросов. Не могли ли сохраниться в надписях классического периода и другие следы архаического языкового ареала. Нельзя ли установить в более широком масштабе общие языковые элементы в греческих надписях и, скажем, в хоровой лирике. Ограничиваются ли общие особенности территории, оккупированной дорийцами, или обнаруживаются и в тех областях Греции, куда они не проникали. Являются ли общие элементы в языке надписей на землях, подвергшихся дорийскому вторжению, субстратными или суперстратными. Каков ареал расположения этих особенностей: удастся ли выделить в нем центральные и периферийные участки.

Стремясь ответить на перечисленные выше вопросы, мы предприняли широкое сличение языка эпиграфических памятников древней Греции с языком виднейшего представителя греческой хоровой лирики VI—V вв. до н. э. — Пиндара, чье творчество, представленное рукописной¹¹ и папирусной традициями¹², превосходит по объему дошедших до нас произведений наследие всех остальных представителей этого жанра. Сличение указанных источников проводилось нами по этапам.

На первом этапе были охвачены три области греческого материка, относительно меньше или совсем не подвергшиеся дорийскому вторжению: Фессалия, Атика и Аркадия. В их надписях удалось выделить значительное число общих с Пиндаром языковых элементов.

В Ф е с с а л и и¹³ обращают на себя внимание с фонетической точки зрения прежде всего такие слова, как: *πολιάρχου* (IG, IX, 2, 1233; ср. Pi. Olymp. VIII, 35, *πολι-*)¹⁴; *ἱερός* (IG, IX, 2, 1229; ср. Pi. Olymp. III, 30); *ἕτερος* (IG, IX, 2, 1109; ср. Pi. Pyth. IV, 248); *μουσικά* (IG, IX, 2, 913; ср. Pi. Olymp. I, 15); *Φερσεφόνα* (IG, IX, 2, 429; ср. Pi. Olymp. XIV, 21); ряд дублетов: *γα* — *γατα* (IG, IX, 2, 270; ср. Pi. Pyth. XI, 10; IG, IX, 2, 641; ср. Pi. Nem. 10, 8); *κόρα* — *κοῦρα* (IG, IX, 2, 638; ср. Pi. Nem. VII, 96; IG, IX, 2, 638; ср. Pi. Pyth. IX, 106); *μόνος* — *μοῦνος* (IG, IX, 2, 524, 15; ср. Pi. Olymp. IX, 72; IG, IX, 2, 641; ср. Pi. Isthm. V, 12); *κατῆρος* — *κατῆρος* (IG, IX, 2, 1191; ср. Pi. Olymp. XIII, 84; IG, IX, 2,

⁸ Н. С. Гринбаум, Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар), Кишинев, 1973, стр. 3—15.

⁹ E. Z a g n s k e, Die Entstehung der griechischen Literatursprachen, Lpz, 1890, стр. 4.

¹⁰ Н. С. Гринбаум, Крито-микенские тексты и древнегреческие диалекты, «Вопросы языкознания», 1959, № 6, стр. 84.

¹¹ J. I r i g o i n, Histoire du texte de Pindare, P., 1952.

¹² Значительное пополнение пиндарова текста принес XXVI том оксиринхских папирусов, см. The Oxyrhynchus Papyri, Part XXVI, ed. by E. Lobel, L., 1961.

¹³ Ссылки на фессалийские надписи даются по: Inscriptiones Graecae, IX, 2, Berolini, 1908 (=IG, IX., 2); E. S c h w y z e r, Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora, Lipsiae, 1923 (далее — Schwyzler).

¹⁴ Pindari Carmina cum fragmentis, I—II, ed. B. Snell, Lipsiae, 1959—1964 (далее — Pi.).

1228; ср. Pi. Pyth. IV, 74); τέταρτος — τέτρατος (IG, IX, 2, 544, 8; ср. Pi., Olymp., I, 60; IG, IX, 2, 315; ср. Pi. Pyth. IV, 47).

Среди общих морфологических особенностей выделяются: род. п. ед. ч. α-основ на: -α, -αο (IG, IX, 2, 505, 2; ср. Pi. Pyth. IV, 263); IG, IX, 2, 511, 11; ср. Pi. Pyth. IV, 12); ο-основ на: -ου, -οιο (IG, IX, 2, 512, 26; ср. Pi. Pae. IX, 16; IG, IX, 2, 511, 5; ср. Pi. Pae XIII a, 4); вин. п. мн. ч. на: -ους, -ας (IG, IX, 2, 1135, 5; ср. Pi. Olymp. I, 60; IG, IX, 2, 517, II, 12; ср. Pi. Olymp. I, 53, codd.); дат. п. мн. ч. согласных основ на: -σι, -εσσι (IG, IX, 2, 257; ср. Pi. Nem. IX, 30; IG, IX, 2, 513, 6; ср. Pi. Pyth. VIII, 82); род. п. Διός — Ζηγνός (IG, IX, 2, 528, 3; ср. Pi. Olymp. II, 88; IG, IX, 2, 582, α; ср. Pi. Nem. XI, 2); инфинитивы на: -ειν (IG, IX, 2, 234, 4; ср. Pi. Olymp. VI, 66), -μεν (IG, IX, 2, 517, 14; ср. Pi. Pyth. IV, 166), -μεν (IG, IX, 2, 458, 9; ср. Pi. Olymp. III, 38); окончание 3 л. мн. ч. -(ο)ντι (IG, IX, 2, 461, 26; ср. Pi. Pyth. VII, 13), местоименные формы: σὺ — τό (IG, IX, 2, 1135, 3; ср. Pi. Nem. 7, 98; IG, IX, 2, 637; ср. Pi. Pyth. II, 57), γιν (IG, IX, 2, 294; ср. Pi. Olymp. I, 64), ἄμμε (IG, IX, 2, 517, 13; ср. Pi. Nem. VI, 6 b), σος — τεός (IG, IX, 2, 249, 7; ср. Pi. Pae. VI, 133; IG, IX, 2, 265; ср. Pi. Olymp. IX, 112); числительные: δοιοί (IG, IX, 2, 970; ср. Pi. Nem. I, 44), τεσσαρες (IG, IX, 2, 276, 8; ср. Pi. Nem. III, 74), πέντε (IG, IX, 2, 261, 6; ср. Pi. Pyth. VII, 13), εἴκοσι (IG, IX, 2, 367, 5; ср. Pi. Nem. VI, 58), διςσός (IG, IX, 2, 660, 2; ср. Pi. Nem. I, 44), τρισσός (IG, IX, 2, 656, 6; ср. Pi. Pyth. VIII, 80); частицы: ἄν (IG, IX, 2, 517, 37; ср. Pi. Parth. I, 11), κε (IG, IX, 2, 515, 12; ср. Pi. Isthm. VIII, 45).

По линии лексики можно указать на ряд редких композитов (нарицательных у Пиндара, собственных имен в надписях): δικαιοπόλις (Pi. Pyth. VIII, 22; ср. IG, IX, 2, 94), ὀρθοπόλις (Pi. Olymp. II, 7; ср. IG, IX, 2, 1040 b, 12), κρατήσιππος (Pi. Nem. IX, 4; ср. IG, IX, 2, 532, 22), λωσίππος (Pi. Pyth. IV, 41; ср. IG, IX, 2, 703). Некоторые общие композиты нигде, кроме Фессалии, обнаружить не удалось: λεοντοδάμας (Pi. Fr. 74; ср. IG, IX, 2, 558, 7), τηλεφранτος (Pi. Fr. 5, 2; ср. CGC, Thessaly, 43,6), ἀριστογόнос (Pi. Pyth. XI, 3; ср. IG, IX, 2, 1282, 126). Заслуживают также внимания слова: παραχά (Pi. Olymp. VII, 30; ср. IG, IX, 2, 1230, 2), ἀστός (Pi. Pyth. III, 71; ср. IG, IX, 2, 1226), ἀνπαλος (Pi. Olymp. VII, 61; ср. IG, IX, 2, 205, 15) и женский род существительного κίων (Pi. Pyth. I, 19; ср. IG, IX, 2, 258, 12).

Рассматривая расположение общих Пиндару и надписям Фессалии языковых явлений, выясняем, что они сосредоточены главным образом в ее северо-восточной части: Пеласгиотиде (Ларисса, Краннон, Феры), Ахае Фтиотидской (Фарсал, Фивы), Перребии (Фаланна, Питий, Азорос) и Магнесии. Наибольшее число общих языковых элементов обнаружено в надписях центра Пеласгиотиды — города Лариссы. В этом плане выделяются надписи: IG, IX, 2, 517 (III в. до н. э.), содержащая письмо жителей Лариссы Филиппу Македонскому; IG, IX, 2, 461 (II в. до н. э.) из г. Краннона, представляющая собой декрет в честь Леона из Матрополя¹⁵.

В надписях А т т и к и¹⁶ привлекают внимание с фонетической точки зрения такие слова, как: ἀνορέα (IG, I², 1024, 2; ср. Pi. Olymp. VIII, 67), μαστός (IG, III, 238 b, 10; ср. Pi. Pyth. IV, 8), εὐθός (IG, I², 57, 54;

¹⁵ См. более подробно об этом Н. С. Гринбаум, Язык Пиндара и надписи Фессалии, в сб. «Классическая филология», Л., 1959, стр. 93—102.

¹⁶ Аттические надписи цитируются главным образом по: Inscriptiones Graecae, I², ed. F. Hiller von Gaertringen, Berolini, 1924; II—III², ed. J. Kirchner, Berolini, 1913—1935 (далее — IG, I²; II²).

ср. Pi. Olymp. VI, 103), ἀχειρέχμας (IG, III, 171, III, 8; ср. Pi. Pyth. III, 14), Φερσεφόνα (IG, II², 1774; ср. Pi. Pyth. XII, 2), встречающиеся в основном в надгробиях и посвящениях. В морфологическом плане представляют интерес: форма двойственного числа χε(τ)ροῖν (IG, II², 1498, 76; ср. Pi. Olymp. XIII, 95), дат. п. мн. ч. ο-основ на -οισι (IG, I², 6, 77; ср. Pi. Fr. 42, 5), местоимение σφεις (IG, I², 39, 67; ср. Pi. Pae. VIII, 11), дат. п. мн. ч. φρασίν (IG, I², 974; ср. Pi. P. Оху. 1792, fr. 11). Однако наиболее многочисленными оказались у Пиндара и в аттических надписях лексические совпадения: обнаружено свыше 300 общих слов поэтического обихода; около половины из них (43%) не представлены в гомеровских поэмах. Эта лексика оказалась сконцентрированной главным образом в двух группах надписей. В первую входят надписи, связанные с Элевсином¹⁷ и афинским храмом Эрехтея¹⁸. Вторую группу составляют надписи, определяющие союзнические отношения Афин с другими городами¹⁹. В надписях Элевсина обнаружены такие слова, как: ὄροισι (IG, II², 1693; ср. Pi. Pyth. IV, 228), ἡγήτηρ (IG, III, 70 1, 1; ср. Pi. Pyth. I, 69), ὄλος (IG, II², 1666, 17; ср. Pi. Olymp. III, 19), σμικρός (IG, I², 313, 111; ср. Pi. Pyth. III, 107). Формула ἐστία πατρῶα (IG, II, 628, 22) встречается в литературе кроме Пиндара (Pyth. XI, 13/14) только у Еврипида (Е. Нес. 22). У Гомера засвидетельствованы: ἰστία (Od. XIV, 159), πατρώϊος (II, II, 46). Элевсинские надписи сохранили также ряд общих с Пиндаром редких композитов: *παλινάϊετος²⁰ (IG, I², 313, 134; ср. Pi. Fr. 84), *σπονδοφόρος (IG, II², 1672, 4; ср. Pi. Isthm. II, 23), *χρυσόκερως (IG, I², 76, 37; ср. Pi. Olymp. III, 29).

В списках должностных лиц, выходцев из двух афинских фил — Эрехтеиды и Гиштонтиды (в состав последней входил Элевсин) — многие имена совпадают со сложными нарицательными пиндаровыми прилагательными, крайне редко или совсем не встречающимися у греческих авторов (ни одного из них нет у Гомера): Ἀδεϊμαντος (IG, I², 325, 28 [Гишп.]; ср. Pi. Nem. X, 17), Εδαίνετος (IG, I², 373, 193 [Гишп., Эрех.]; ср. Pi. Pyth. IV, 177), Εὐθύμαχος (IG, I², 929, 64 [Эрех.]; ср. Pi. Olymp. VII, 15), Θεσφρων (IG, II², 439, 7 [Эрех.]; ср. Pi. Olymp. VI, 41), Ἀρχέπολις (IG, I², 929, 143 [Эрех.]; ср. Pi. Pyth. IX, 54), Δικαιοπολις (IG, II, 803 e, 126 [Эрех.]; Pi. Pyth. VIII, 22).

Одной из особенностей пиндаровой лексики является отсутствие в ней глагола ποιέω. Для обозначения понятия «делать» Пиндар пользуется глаголами πράσσω (Pyth. IV, 243), ἐργάζομαι (Nem. V, 1). Показательно, что глагол ἐργάζομαι засвидетельствован в ранних аттических надписях лишь в нескольких случаях: в элевсинской надписи²¹ и надписях из Эрехтея²²; в последних встречается и существительное ἐργασία (IG, I², 6, 30). Глагол πράσσω представлен в Аттике впервые в ранней элевсинской надписи²³, встречается несколько раз в афинских декретах²⁴.

В эпиграфическом материале А р к а д и и²⁵ обращают на себя внимание в фонетическом плане такие общие с Пиндаром слова, как: ζεθλος

¹⁷ IG, I², 7, 76, 313; II², 1672.

¹⁸ IG, I², 372, 373, 374.

¹⁹ IG, I², 10, 39, 57, 86.

²⁰ Слова, обозначенные звездочкой, не встречаются у Гомера.

²¹ IG, I², 313, 87.

²² IG, I², 372, 148; 373, 54.

²³ IG, I², 372, 148; 373, 94, ср. Pi. Olymp. VIII, 42.

²⁴ IG, I², 7, 11; 40. 22. См. подробнее об этом Н. С. Г р и н б а у м, Язык Пиндара и надписи Аттики, «Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та», т. 107, Кишинев, 1969, стр. 13—22.

²⁵ Надписи Аркадии цитируются по: Inscriptiones Graecae, V, 2, Berolini, 1913 (далее — IG, V, 2); Supplementum Epigraphicum Graecum, ed. J. J. Hondius, Leyden, 1923 (далее — SEG).

(IG, V, 2, 183; ср. Pi. Olymp. IX, 108), ἀέλιος — ἄλιος (IG, V, 2, 4, 12; ср. Pi. Isthm. V, 1; 5, 2, 82; ср. Pi. Pae. VI, 149), ἑστία (IG, V, 2, 432, 45; ср. Pi. Parth. II, 106), ἕτερος (IG, V, 2, 357, 4; ср. Pi. Nem. VI, 25), ὄνομα (IG, V, 2, 41, 11; ср. Pi. Olymp. VI, 57), πτόλις (IG, V, 2, 46, 25; ср. Pi. Dith. I, 6), γίνομαι (IG, V, 2, 6, 10; ср. Pi. Nem. VII, 31), ἔχρινναν (IG, V, 2, 343; ср. φαεσσόν, Pi. Olymp. VII, 67), ἀῖθις — αῖτις (IG, V, 2, 343, 10; ср. Pi. Nem. III, 56, codd.; IG, V, 2, 343, 50; ср. Pi. Nem. IV, 70). Особый интерес представляют: θεθμός (IG, V, 2, 159; ср. Pi. Olymp. VI, 69: τ-), Φερσεφάνα (SEG, XI, 1139, 4; ср. Pi. Olymp. XIV, 21), κοινά (IG, V, 2, 6, 22; ср. Pi. Pyth. III, 28).

В морфологическом аспекте заслуживают упоминания: род. п. ед. ч. α- основ на: -αυ, -αο (IG, V, 2, 3, 16; ср. Pi. Pyth. IV, 171); вин. п. мн. ч. на: -ους, -ος (IG, V, 2, 20, 18; ср. Pi. Olymp. VI, 26; IG, V, 2, 343, ср. Pi. Nem. III, 24, codd.); им. п. мн. ч. ι-основ на: -ιες (IG, V, 2, 357, 17; ср. Pi. Olymp. VIII, 2); двойственное число (IG, V, 2, 357, 95, ср. Pi. Olymp. XIII, 95); дат. п. мн. ч. на: -σι, -εσσι (IG, V, 2; V, 3; ср. Pi. Olymp. VI, 10; IG, V, 2, 357, 37; ср. Pi. Pyth. V, 64); вин. п. мн. ч. на: -ις, -ιας (IG, V, 2, 357, 21; ср. Pi. Olymp. I, 28 b; IG, V, 2, 357, 19, ср. Pi. Pyth. IX, 19); формы собственных имен: Ἀρτεμίδι (IG, V, 2, 84, 5, ср. Pi. Pyth. II, 7 -ος), Ἀρτεμιν (IG, V, 2, 81, 50; ср. Pi. Pae. IV, 1), Ποσειδῶνος (IG, V, 2, 95; ср. Pi. Pyth. IV, 138), Ποσειδαν (IG, V, 2, 97, 3; ср. Pi. Olymp. VI, 58, -α); местоимений: ἄμμε (IG, V, 2, XXV, 71; ср. Pi. Nem. VI, 6 b), σφιν (SEG, XI, 1084, 12; ср. Pi. Olymp. VIII, 83); глагольные окончания 3 л. ед. ч.: -τι (IG, V, 2, 345, 6; ср. Pi. Isthm. II, 9), -ντι (IG, V, 2, 159; ср. Pi. Olymp. I, 29); инфинитивы на: -εν (IG, V, 2, 3, 5; ср. Pi. Pyth. IV, 115), -μεν (IG, V, 2, 357, 477; ср. Pi. Olymp. VI, 63), -ναι (IG, V, 2, 16, 9; ср. Pi. Pae. VII b, 47), -σαι (IG, V, 2, 6; ср. Pi. Nem. V, 26); аористы на: -σα (IG, V, 2, 262, 18; ср. Pi. Nem. III, 26), -σσα (IG, V, 2, 262; ср. Pi. Pyth. VIII, 80), -ῆα (IG, V, 2, 261, 14; ср. Pi. Olymp. VIII, 59).

Общим для аркадских надписей и Пиндара является и значительный слой поэтической лексики: ἀπῶ (IG, V, 2, 6, 3; ср. Pi. Olymp. V, 19), ἔρπῶ (IG, V, 2, 514, 2; ср. Pi. Olymp. VII, 52), λείσσω (IG, V, 2, 16, 9; ср. Pi. Pyth. IV, 145), αἶσα (IG, V, 2, 40, 43; ср. Pi. Olymp. IX, 42), *φραδά (IG, V, 2, 261, 15; ср. Pi. Olymp. XII, 9) *ῥῆσις (IG, V, 2, 343, 19; ср. Pi. Olymp. VII, 55), *ἐνδικος (ἔν- IG, V, 2, 6, 33; ср. Pi. Pyth. V, 103), τέσσαρες (IG, V, 2, 274, 6; ср. Pi. Nem. III, 74), δωδέκα (IG, V, 2, 3, 8; ср. Pi. Nem. IV, 28). Следует также отметить одинаковые имена и эпитеты богов: Ἀθῆνα Ἰππία (IG, V, 2, 85, 11; ср. Pi. Olymp. XIII, 82), Ἀθαναία (IG, V, 2, 280; ср. Pi. Nem. X, 84), Ἀθῆνα Πολίας (IG, V, 2, 110, 45; ср. Pi. Pae. VI, 89), Ἑστία (IG, V, 2, 46, 10; ср. Pi. Nem. XI, 1), Ἥρα Παρθενία (IG, V, 2, 74, 34; ср. Pi. Olymp. VI, 88).

Наибольшее число общих языковых элементов нами обнаружено в таких центрах Аркадии, как Тегея, Мантинейя, Орхомен, Стимфал, Мегалополь. Однако и в названных городах лишь определенная группа надписей содержит языковые черты, характерные и для Пиндара. В тегейских надписях засвидетельствован ряд фонетических, морфологических и лексических явлений, редко встречающихся в других надписях: ἀέκων (IG, V, 2, 4, 18; ср. Pi. Nem. IV, 24), δέχομαι (IG, V, 2, 6; ср. Pi. Olymp. XIII, 68), ὄσσος (IG, V, 2, 3, 32; ср. Pi. Pae. VI, 87), ἀμέραυ (IG, V, 2, 3, 16; ср. Pi. Pyth. IV, 171), νέμεν (IG, V, 2, 3, 5; ср. Pi. Pyth. IV, 115), σφεις (IG, V, 2, 6, 10; ср. Pi. Nem. III, 62; σφίσι), *ἱεροθύτας (IG, V, 2, 3, 5; ср. Pi. Fr. 78 -ος), ἀδελφῆος (Schwyzer, 657, 7/8; ср. Pi. Nem. VII, 86), ἔν (с. acc.; IG, V, 2, 3, 5; ср. Pi. Pyth. V, 38), πεδα (с. acc.; IG, V, 2, 6, 98; ср. Pi. Pyth. V, 47), ἄν (IG, V, 2, 3, 2; ср. Pi. Parth. I, 11), εἰ (Schwyzer, 673, 5; ср. Pi. Nem. V, 50), κс (IG, V, 2, 6, 2; ср. Pi. Pyth. X, 29). В над-

писи IG, V, 2, 6 и у Пиндара найдены слова, характерные для ограниченной группы памятников: ἐργον (v. 8; ср. Pi. Olymp. IX, 85), ἐργατας (v. 50; ср. Pi. Isthm. II, 6, -ις), ἐργάζομαι (v. 9; ср. Pi. Nem. V, 1); в надписи IG, V, 2, 4 — редкая огласовка в слове θεῶρος (v. 31; ср. Pi. Nem. III, 70, -ιον); в надписи IG, V, 2, р. XXXVI — малораспространенные слова: κάπος (Schwyzer, 657, 12; ср. Pi. Pyth. V, 24), πατρώιος (Schwyzer, 657, 5; ср. Pi. Pyth. IV, 290), μηκέτι (Schwyzer, 657, 10, ср. Pi. Olymp. I, 5).

Сличение языка Пиндара с языком эпиграфических памятников Фессалии, Аттики и Аркадии²⁶ позволило выявить широкий круг общих элементов. Последние оказались засвидетельствованными в наибольшей степени в определенных центрах названных областей, из которых можно выделить Лариссу (Фессалия), Элевсин и Афины (Аттика), Тегею и Мантинейю (Аркадия). Однако и в указанных городах общие языковые особенности сосредоточены прежде всего в определенной группе надписей. В Фессалии мы имеем дело с относительно поздними надписями III—II вв. до н. э.²⁷ Среди них привлекает внимание надпись IG, IX, 2, 517 (III в.), содержащая письмо жителей Лариссы Филиппу Македонскому; его язык явно архаизирован и существенно отличается от того, на котором составлен ответ Филиппа. Аттические надписи, интересующие нас, относятся к V—IV вв. до н. э. Это прежде всего элевсинские надписи IG, I², 6, 76, 313, представляющие собой соответственно закон о мистериях (460 г.), декрет о посылаемых в Элевсин первинках (423/2), акты эпистатов (408/7), а также надпись IG, II², 1672, содержащая отчеты элевсинских эпистатов и казначеев. Это, далее, надписи афинского Эрехтейона — IG, I², 372—374 — с отчетами его попечителей (409—406 гг.). Это, наконец, ряд надписей, связанных с регулированием внешних отношений афинского государства, как, например, IG, I², 10 — декрет об эритрейцах (470 г.), 39 — о халкидцах (446/5 г.), 57 — о метонейцах (424/3 г.) и др.

К V—III вв. до н. э. относятся и заслуживающие нашего внимания надписи Аркадии. Выделяются среди них тегейские: IG, V, 2, 3 содержит предписания, связанные с храмом Афины Алейской (около 400 г.), 4 — священный закон, 6 — указания относительно производства строительных работ (обе IV в.). В мантинейской надписи IG, V, 2, 262 зафиксирован приговор виновникам святотатства в храме Афины Алейской (V в.). Надпись IG, V, 2, 343 содержит соглашение между городами Орхоменом и Эуэмоном (IV в.), IG, V, 2, 357 — закон, принятый жителями Стимфала (около 284 г.).

Следует отметить несколько моментов. Во-первых, значительная часть надписей имеет отношение к древнейшим культовым центрам Аттики и Аркадии, к культу Деметры, Эрехтея и Афины. Остальные отражают акты межгосударственных отношений. Во-вторых, все упомянутые выше надписи — *прозаические*, непосредственно не связанные с поэтическим языком. В-третьих, обнаруженные нами общие с Пиндаром элементы принадлежат древнейшему языковому слою и в более поздних надписях, как правило, не встречаются. В-четвертых, к дорийскому диалекту рассмотренные надписи отношения не имеют.

На втором этапе нами был сличен с Пиндаровым язык надписей в трех областях Греции, оккупированных дорийцами: Фокиде, Арголиде и на о. Крите.

²⁶ См. подробнее об этом Н. С. Гринбаум, Язык Пиндара и надписи Аркадии, «Питання класичної філології», № 10, Львов, 1972, стр. 22—27.

²⁷ Не исключено, что это связано с отсутствием сколько-нибудь значительных по объему более ранних надписей.

В Фокиде²⁸ наше внимание привлекли главным образом надписи г. Дельф. Уже Аренс заметил в свое время в дельфийских надписях ряд общих с Пиндаром языковых элементов, однако специально этим вопросом не занялся²⁹. Нам удалось обнаружить в обоих источниках значительно больше совпадений. По линии фонетики можно отметить дублиеты: *ἰσρός* — *ἰαρός* (SGDI, 2501, 21; ср. Pi. Pyth. XI, 9; SGDI, 2501, 20; ср. Pi. Fr. 338, 6), *δερχομαι* — *δειχομαι* (Rüsch, 196³⁰; ср. Pi. Isthm. I, 51; SGDI, 2501, 48; ср. Pi. Olymp. II, 63), *ῥσος* — *ῥσας* (SGDI, 1798, 13; ср. Pi. Olymp. II, 99; SGDI, 2502 B, 10, Pi. Olymp. XIII, 43) огласовку в: *ἑστία* (Rüsch, 155; Pi. Parth. II, 106), *ἄνωμα* (SGDI, 2041, 3; Pi. Olymp. VI, 57), *κοιναλέω* (SGDI, 2561 B, 48; Pi. Pyth. III, 28 subst.), *Ἐλεῖθνια* (Rüsch, 82; Pi. Pyth. III, 9); усеченные формы предлогов (префиксов): *αν* (SGDI, 2561 B, 11; Pi. Pyth. IV, 54), *κατ* (SGDI, 2561 A, 13; Pi. Olymp. VIII, 78), *παρ* (SGDI, 2561 A, 28, Pi. Pyth. X, 62), *ποτ* (SGDI, 2502 A, 55, Pi. Fr. 122, 5 codd.); случаи красиса (SGDI, 2501, 9; 2561 C, 33; ср. Pi. Olymp. XII, 5, Isthm., 3/4, 43). Сточки зрения морфологии вызывают интерес: артикль *τοί* (SGDI, 2501, 10; ср. Pi. Nem. VII, 12, *ταί*), род. п. мн. ч. *α*-основ на *-αν* (Rüsch, 44; ср. Pi. Nem. I, 41), ед. ч. *ο*-основ на *-ου* (SGDI, 2501, 20; ср. Pi. Fr. 140 b, 16); сравнительная степень *μειον* (SGDI, 2561 B, 9; ср. Pi. Olymp. I, 35); числительные *δωιοί* (Schwyzer, 317 B; ср. Pi. Nem. I, 44, *δοι-*), *τεσσαρες* (SGDI, 1761, 5; ср. Pi. Nem. III, 74); окончание 3 л. ед. ч. *-τι* (SGDI, 2815, 3; ср. Pi. Isthm. II, 9), мн. ч. *-ντι* (SGDI, 2515, 12; ср. Pi. Pyth. V, 98). В общем лексическом слое находим немало относительно редко встречающихся в греческом литературном языке преимущественно поэтических слов: *δαφνα* (SGDI, 2507, 19; ср. Pi. Parth. II, 8), **πυθιάς* (SGDI, 2501, 38; ср. Pi. Pyth. V, 21), **ισρομηγία* (SGDI, 2501, 44; ср. Pi. Nem. III, 2), **μοισαχέτας* (SIG, 699, 1; ср. Pi. Fr. 94 c)*, *ἀρχαχέτας* (SIG, 699, 1; ср. Pi. Olymp. VII, 78), *ἐγγυαῶ* (Schwyzer, 328a.9; ср. Pi. Olymp. XI, 16), *χαράσσω* (SIG, 795 B, 27; ср. Pi. Pyth. I, 28). Сюда же можно отнести и ряд сложных прилагательных: **ἰπποτρόφος* (SEG, XIV, 459, 8; ср. Pi. Nem. X, 41), **πορφύρος* (SIG, 711D, 22; ср. Pi. Nem. X, 71), *βοαθός* (SIG, 672, 78; ср. Pi. Nem. VII, 33), **ταυροφόνος* (BCI 21, 599; ср. Pi. Nem. VI, 40), **τριχαρνος* (SIG, 31; ср. Pi. Fr. 51 b). Композит **πατραδελφός* (Michel³¹, 995 c, 44; ср. Pi. Isthm. VIII, 66), кроме Пиндара и Дельф, нигде не встречается.

Анализ языковых особенностей, характерных для Пиндара и дельфийских надписей, показал, что преобладающее число общих для обоих источников элементов представлено в надписях V—III вв. до н. э. В надписи SGDI, 2501 кроме отмеченных Аренсом общих с Пиндаром явлений³² нами были обнаружены: общие местоименные формы *ἐδίν* (v. 7; ср. Pi. Paе. X, 19), *σφιν* (v. 25; ср. Pi. Nem. VI, 50); окончание дат. п. мн. ч. *εσσι* (v. 39; ср. Pi. Parth. II, 43); предлог *ποτ* с род. п. (v. 26; ср. Pi. Olymp. VII, 90); окончание 3 л. мн. ч. *-ντι* в сослагательном наклонении (v. 46; ср. Pi. Pyth. II, 88), инфинитив на *-εν* (v. 23; Pi. Pyth. IV, 115); редкое существительное *δουαλις* (v. 5; ср. Pi. Pyth. IV, 238); нигде больше не встречается форма *περοδος* с усеченным префиксом (v. 16; ср. Pi. Nem. XI, 40). В надписи SGDI, 2561 встречаются такие общие с Пиндаром явления, как: дат. п. мн. ч. на *-εσσι* (C 41; ср. Pi. Parth. II, 43), двойственное число: *δωοῦν* (A 23; ср. Pi. Nem. VIII, 48), инфинитивы на *-εν*,

²⁸ См. Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, ed. H. Collitz и др., Göttingen, 1884—1915 (далее — SGDI).

²⁹ H. L. Ahrens, De Graecae linguae dialectis, vol. II, Göttingae, 1843, стр. 410.

³⁰ E. Rüsch, Grammatik der delphischen Inschriften, I, B., 1914.

³¹ C. Michel. Recueil d'inscriptions grecques, Bruxelles, 1900.

³² Ahrens, ук. соч., стр. 410.

-μεν (A 24, C 22; ср. Pi. Pyth. IV, 115; IV, 98); редкие слова: τεθμός (C 19; ср. Pi. Olymp. VI, 69), ψάφος (B 14; ср. Pi. Olymp. X, 9), ἀκρότης (D 47; ср. Pi. Olymp. II, 4), τζω (C 37; ср. Pi. Nem. V, 50).

Значительное число общих особенностей обнаружено нами у Пиндара и в надписях А р г о л и д ы ³³. К фонетическим можно отнести: огласовку α в τάρνω (IG, IV, 1, 102, 44; ср. Pi. Pyth. III, 68); неслитное αε в ἀεθλον (SEG, XI, 328, 2; ср. Pi. Olymp. IX, 108); дублиеты: ἐνεχα — ἐνεκεν (IG, IV, 1, 27, 5; 84, 38; ср. Pi. Olymp. I, 65; Parth. II, 62), ὄσος — ὄσσος (IG, IV, 1, 76, 33; 121, 17; ср. Pi. Pae. VI, 89; VI, 87); усеченный префикс в ἐπάμερος (IG, IV, 800; ср. Pi. Pyth. VIII, 95). По линии морфологии заслуживают внимания: двойственное число — ἀμφοῖν (IG, IV, 1, 124, 78; ср. Pi. Isthm. V, 18); род. п. ед. ч. ο-основ на: -ου, -οιο (Schulze ³⁴, 211, SEG, XI, 305, 2; ср. Peter ³⁵, 34); дат. п. мн. ч. на: -οις, -οιοι (SEG, XI, 314, 5; 328, 2; ср. Peter, 33); окончание им. п. мн. ч. -εις (Thumb, I, 212 ³⁶; ср. Peter, 39); дат. п.: -σι, -εσσι (Schulze, 211—212; ср. Peter, 36—37); местоименные формы: τοι (IG, IV, 1, 124, 12; ср. Pi. Fr. 140 a. 62), μιν (IG, IV, 1, 124, 7; ср. Pi. Pae. II, 73), νιν (IG, IV, 1, 124, 12; ср. Pi. Pyth. VI, 19), σφιν (Schwyzer, 83, 28; ср. Pi. Nem. VI, 50), σφς (IG, IV, 1, 128, 17; ср. Pi. Pyth. V, 86); род. п. Ποσειδάωνος (IG, IV, 499; Schulze, 211; ср. Pi. Pyth. IV, 138); 3 л. ед. ч. на -σι (Schulze, 213; ср. Pi. Pyth. II, 10); мн. ч. на -ντι (Schulze, 212; ср. Pi. Nem. I, 24), инфинитивы на: -εν, -ειν, -μεν, -σαι, -ναι (Schulze, 212—213; Schwyzer, 103; ср. Pi. Olymp. I, 3; VI, 66; IX, 37; Pae. VII, b, 47); перфектный инфинитив на -ειν (Schulze, 213; ср. Pi. Olymp. VI, 49); аористы на -σα (SEG, XI, 379; ср. Pi. Isthm. II, 46), -σσα (SEG, XVII, 146, 5/6; ср. Pi. Pyth. VIII, 80), -ξα (Schulze, 212; ср. Pi. Pyth. II, 44, codd.); глагольные формы εἶπας (Schulze, 213; ср. Pi. Olymp. VIII, 46), ἴασθαι (Schulze, 213; ср. Pi. Pyth. III, 46), ἐμαλον (IG, IV, 952, 14; ср. Pi. Olymp. XIV, 18), ἔγεντο (IG, IV, 492; ср. Pi. Pyth. VI, 28).

Общий лексический слой включает много слоев поэтического обихода, в том числе и ряд редко встречающихся: γεννάω (IG, IV, 1, 687, 14; ср. Pi. Pyth. V, 74), ἐρευνάω (IG, IV, 1, 123, 19; ср. Pi. Nem. III, 24), *τηρῶ (IG, IV, 1, 65, 12; ср. Pi. Pyth. II, 88), ἴσχω (IG, IV, 1, 122, 40; ср. Pi. Pyth. XI, 29), πᾶλω (IG, IV, 1, 130, 23; ср. Pi. Olymp. VI, 100); *δαπάνα (IG, IV, 1, 65, 105; ср. Pi. Isthm. V, 57), *ἐμπολά (IG, IV, 1, 123, 33; ср. Pi. Pyth. II, 67), *ἐργασία (IG, IV, 1, 102, 23; ср. Pi. Olymp. VIII, 42), *ἐλλανοδίκας (IG, IV, 1, 66, 59; ср. Pi. Olymp. III, 12), *μαστός (IG, IV, 1, 126, 24; ср. Pi. Pyth. IV, 8), κλίμαξ (IG, IV, 1, 122, 89; ср. Pi. Fr. 30, 3), *χοιράς (IG, IV, 1, 127, 8; ср. Pi. Pyth. X, 52), δύνασις (BCH, 33, 451, 22; ср. Pi. Pyth. IV, 238), ἀμαξιτός (IG, IV, 1, 71, 17; ср. Pi. Nem. VI, 54), ὀδοιπορος (IG, IV, 1, 121, 83; ср. Pi. Fr. 340), *πεδοικος (IG, IV, 1, 552, πεδαF-; ср. Pi. Fr. 25), ἐνερθεν (IG, IV, 1, 103, 57; ср. Pi. Pyth. IX, 81), *μάταν (IG, IV, 1, 121, 84; ср. Pi. Olymp. I, 83), ὑπένερθεν (IG, IV, 1, 102, 51; ср. Pi. Nem. X, 87), ὅταν (IG, IV, 1, 68, 72; ср. Pi. Olymp. II, 24), δωδεκα (IG, IV, 1, 287; ср. Pi. Nem. IV, 28), δεύτατος (Schwyzer, 90, 3; ср. Pi. Olymp. I, 50).

Общие Пиндару и надписям Аргολиды языковые элементы встречаются наиболее полно и отчетливо в эпиграфических памятниках городов Арго-

³³ Надписи Аргολиды цитируются по: Inscriptiones Graecae, IV, ed. M. Fraenkel, Berolini, 1902 (далее — IG, IV); Inscriptiones Graecae, IV, ed. minor, fasc. 1, ed. F. Hiller von Gaertringen, Berolini, 1929 (далее — IG, IV, 1).

³⁴ W. Schulze, Dialectus Epidauria, IG, IV, 1, стр. 211—213 (далее — Schulze).

³⁵ G. A. Peter, De dialecto Pindari, Halis Saxonum, 1866 (далее — Peter).

³⁶ A. Thumb, E. Kieckers, Handbuch der griechischen Dialekte, Bd I². Heidelberg, 1932 (далее — Thumb, I).

са и Эпидавра. Для надписей Аргоса характерны главным образом общие фонетико-морфологические особенности (ср. *τάμνω*, *ἄεθλος*; дат. п. мн. ч. на *-οισι*, им. п. на *-εεε*; аорист на: *-σα*, *-σσα*), для надписей Эпидавра — морфологические (род. п. ед. ч. на *-ου*, вин. п. мн. ч. на *-ουε*, окончание 3 л. мн. ч. *-ντι*, инфинитивы на: *-εν*, *-ειν*, *-μεν*) и прежде всего лексические. Отдельные редкие формы представлены также в надписях Трезены и Микен (*ἔγεντο*)³⁷.

Ряд общих с Пиндаром фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей удалось обнаружить и в эпиграфическом материале о К р и т а³⁸. В фонетическом плане представляют интерес: дублиеты *δνομα* — *δνομα* (SGDI, 4992, а III, 6, ср. Pi. Olymp. VI, 57, codd.; SGDI, 5126 C 4; ср. Pi. Nem. VI, 49); *ἄελιος* — *ἄλιος* (SEG, XVI, 532; ср. Pi. Pae. IX, 1; SGDI, 4952, 28, ср. Pi. Olymp. II, 62); *ἰερός* — *ιαρός* (SGDI, 5041, 11, ср. Pi. Pyth. XI, 9; SGDI, 5128, 2; ср. Pi. Fr. 338); *τάμνω* (SGDI, 5014, 2, ср. Pi. Olymp. XII, 6 а), *τραφω* (SGDI, 4991, III, 50; ср. Pi. Pyth. II, 44), *τέσσαρες* (IC, III, 3, 3, 25; ср. Pi. Nem. III, 74), *πολιάτας* (SGDI, 4991 X 35; ср. Pi. Isthm. I, 51), *Ἀθαναία* (SGDI, 4952, 22; ср. Pi. Olymp. VII, 36), *Ποσειδάων* (SGDI, 5085, 7, *-τ-*; ср. Pi. Olymp. I, 75), *Φερσεφόνα* (IC, I, 22, 59, 20; Pi. Olymp. XIV, 21), *αμφαίνω* (SGDI, 4991, X, 34; Pi. Fr. 211). К общим морфологическим явлениям относятся: окончания дат. п. мн. ч.: *-αιε*, *-αισι* (SGDI, 4991, I, 6; Peter, 33; SGDI, 5125 A 5; Peter, 33); *-οιε*, *-οισι* (SGDI, 5128, 41, Peter, 33; SGDI, 4966 b, 2, Peter 33); вин. п. мн. ч.: *-ουε*, *-οε* (SGDI, 4952, 94; Pi. Olymp. VI, 26; SGDI, 4952, 94, Pi. Nem. III, 24, codd.); вин. п. *Ἀρτεμιν* (SGDI, 4991 III, 7; Pi. Pae IV, 1) мн. ч. на *-εεε* (SGDI, 4991 VI 36; Peter, 39); формы: *Ζηνός*, *Ζηνί*, *Ζήρα* (Bechtel³⁹, II, 732; Pi. Nem. XI, 2, Fr. 60 (a) 5; Pi. Fr. IV, 194); *δωδέκα* (SGDI, 4991 III 39, Pi. Nem. IV, 28); *εἰν* (SGDI, 5147 b. 11; Pi. Pae. X, 19), *εἶσι* (SGDI, 4959a; Pi. Olymp. VI, 90); окончание 3 л. ед. ч. *-τι* (SGDI, 5112, Pi. Isthm. II, 9); инфинитивы на: *-μεν*, *-εμεν* (SGDI, 4991 I 20; Pi. Olymp. VI, 33; SGDI, 5090; Pi. Olymp. VI, 30). Привлекают внимание предлоги: *ἀφί* с дат. п. (SGDI, 4991 I 17, Pi. Pyth. V, 119), *πῶδα* с род. п. (SGDI, 4991, X, 49, Pi. Pyth. VIII, 74), *πῶδα* с вин. п. (SGDI, 4952, 43; Pi. Pyth. V, 47). По линии лексики можно отметить: *ἴσαμι* (Schwyzer, 190, 10; Pi. Pyth. IV, 248), *ἔρουνάω* (SGDI, 5075, 35; Pi. Fr. 61,4), *ὄρω* (SGDI, 4991 VII 42, Pi. Isthm. 3/4, 77), *τέλλω* (SGDI, 4991 X 42; Pi. Pyth. IV, 257), *ἀγέλα* (SGDI, 4952, 98; Pi. Fr. 112), *ἀλικία* (IC, III, 3, 88; Pi. Pyth. IV, 157), *ἐργασία* (SGDI, 4991 VIII 44, Pi. Olymp. VIII, 42), *δεύρας* (SGDI, 5024, 19; Pi. Olymp. VIII, 52). Только на Крите и у Пиндара удалось обнаружить слова: *καρταίπους* (SGDI, 4998 I 17; Pi. Olymp. XIII, 81), *ἀμέομαι* (SGDI, 4964; Pi. Pyth. I, 45), *θρμίζω* (Bechtel, II, 786; Pi. Pyth. IV, 141). Общие Пиндару и надписям Крита языковые элементы встречаются наиболее концентрированно в надписях Среднего Крита и, в частности, в таких критских центрах, как Гортина, Дрерос и Гиерапитна⁴⁰.

Сличение пиндарова языка с языком надписей Фокиды, Ароглиды и Крита показало, что и на территории, захваченной дорийцами, общие Пиндару и надписям фонетико-морфологические и лексические элементы расположены неравномерно. Выделяются в этом плане такие центры, как Дель-

³⁷ См. подробнее Н. С. Г р и н б а у м, Язык Пиндара и надписи Ароглиды, кн. «Античность и современность», М., 1972, стр. 57—66.

³⁸ Надписи Крита цитируются в основном по: SGDI; Inscriptiones Creticae, cur. M. Guarducci, v. III, Roma, 1942 (далее — IC, III).

³⁹ F. V e c h t e l, Die griechischen Dialekte, Bd. II, В., 1923 (далее — Bechtel, II).

⁴⁰ См. подробнее Н. С. Г р и н б а у м, Язык Пиндара и надписи Крита, Acta Conventus XI «Eirene», Warszawa, 1971, стр. 575—584.

фы (Фокида), Аргос и Эпидавр (Арголида), Гортина (Крит). Однако и в названных городах общие языковые особенности характерны не для всех, а лишь для определенной группы надписей. В Фокиде можно назвать знаменитую амфикионскую надпись SGDI 2501 (380 г. до н. э.), содержащую закон о священном округе и проведении пифийских торжеств, и эпихорическую надпись SGDI 2561 (около 400 г. до н. э.), сохранившую предписания фратрии Лабиадов. Из аргосских надписей привлекают внимание: священный закон (SEG, XI, 314; VI в. до н. э.), надгробная надпись (SEG, XI, 305; V в. до н. э.), посвящение новостроек (SEG, XVII, 146; IV в. до н. э.). В Эпидавре выделяются надписи IV в. до н. э., связанные со святилищем Аполлона и Асклепия, и в первую очередь таблицы исцелений: IG, IV, 1, 121, 122, 123. Для Крита наиболее характерна в интересующем нас плане надпись V в. до н. э. SGDI, 4991, известная в литературе как гортинское законодательство.

Необходимо и на этот раз отметить несколько моментов. Во-первых, значительная часть надписей имеет отношение к древним культовым центрам греческого материка (Фокида, Арголида), к культу Аполлона и Асклепия. Во-вторых, почти все упомянутые надписи *прозаические* и не имеют прямого отношения к поэтическому языку. В-третьих, и это весьма существенно, общие Пиндару и названным надписям языковые элементы относятся не к дорийскому, а к более древнему — додорийскому языковому слою.

Третий этап предусматривал сличение языка Пиндара с языком эпиграфических памятников греческого мира на Востоке (Малая Азия), юге (Египет) и западе (Италия и Сицилия).

Изучение надписей ионийского побережья Малой Азии⁴¹ позволило установить определенное число общих с Пиндаром языковых элементов. Из фонетических можно упомянуть: слияние $\alpha + \epsilon (\iota) = \bar{\alpha}$ (SGDI, ⁿ50 a, 8: $\tau\bar{\alpha}\alpha\tau\alpha\iota$; ср. Pi. Nem. I, 5: $\sigma\bar{\alpha}\tau\alpha\iota$; SGDI, ⁿ60 A, 20: $\delta\bar{\iota}\kappa\bar{\alpha}\nu$, ср. Pi. Isthm. 3/4, 43: $\nu\bar{\iota}\kappa\bar{\alpha}\nu$); $\alpha + \epsilon\iota = \alpha\iota$, α (SGDI, 5498, 10: $\epsilon\rho\alpha\tau\alpha\iota$, 5589, 9: $\tau\bar{\alpha}\alpha\iota$; ср. Pi. Pyth. X, 36: $\gamma\epsilon\lambda\bar{\alpha}$); $\alpha + \omicron = \omega$ (SGDI, ⁿ60 A, 11; Pi. Nem. X, 48: $\nu\bar{\omega}\kappa\omega\bar{\nu}\tau\iota$); наличие $\epsilon\omicron - \epsilon\upsilon$ (SGDI, 5582, 12; SIG, 402, 27: $\pi\lambda\epsilon\upsilon\sigma\omicron\mu\alpha\iota$; Pi. Pae. VI, 92; Pyth. IV, 69 $\pi\lambda\epsilon\upsilon\sigma\bar{\alpha}\nu\tau\omega\bar{\nu}$); дублиеты: $\xi\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma - \xi\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ (SGDI, 5497, 6; ср. Pi. Pae. VIII, 76; SGDI, ⁿ60 B, 24; ср. Pi. Pyth. IV, 118), $\epsilon\varsigma - \epsilon\iota\varsigma$ (SGDI, 5416, 37; ср. Pi. Pae. IV, 44; SGDI, 5416, 6; ср. Pi. Pae. IX, 9), $\iota\epsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma - \iota\rho\acute{\omicron}\varsigma$ (SGDI, ⁿ42, 4; ср. Pi. Pae. 18, 1; SGDI, ⁿ42, 22; ⁿ62, 33; ср. Pi. Fr. 78, 3); $\epsilon\pi\epsilon\iota\tau\epsilon\nu - \epsilon\pi\epsilon\iota\tau\alpha$ (SGDI, 5498, 2, ср. Pi. Pyth. IV, 211; SGDI, 5498; 12; ср. Pi. Pae. II, 65); $\epsilon\bar{\nu}\epsilon\kappa\epsilon\nu - \epsilon\bar{\nu}\epsilon\kappa\alpha$ (SGDI, 5689, 3; ср. Pi. Olymp. XI, 12; SGDI, 5585, 6; ср. Pi. Olymp. II, 5); $\kappa\omicron\rho\alpha - \kappa\omicron\rho\alpha$ (SGDI 5589, 1; ср. Pi. Pae. IX, 43; SGDI, 5692, a, 22; ср. Pi. Olymp. XIII, 65); $\omicron\rho\omicron\varsigma - \omicron\bar{\rho}\omicron\varsigma$ (SGDI, ⁿ41, 3; ср. Pi. Fr. 156; SGDI 5498 b, 25; ср. Pi. Pyth. VI, 21); случаи красиса (SGDI, 5653 c, 19; 5600, 3; ⁿ60 A, 7; ср. Pi. Pyth. IX, 40, Olymp. I, 65; XIII, 38). Заслуживают внимания: $\epsilon\sigma\tau\iota\eta$, $\epsilon\sigma\tau\iota\alpha\iota\omicron\varsigma$ в Эритрах и Галикарнасе (SGDI, 5692 a, 16; 5727, c, 42; ср. Pi. Nem. XI, 1); $\epsilon\sigma\lambda\omega\nu$, $\epsilon\sigma\lambda\acute{\omicron}\varsigma$ на Хиосе и в Эритрах (SGDI, 5674, 1; ⁿ66; ср. Pi. Parth. II, 40); $\delta\omicron\rho\alpha\tau\omicron\varsigma$ в Эфесе (SGDI, ⁿ49 A, 3; ср. Pi. Pyth. IV, 38); $\gamma\omicron\upsilon\nu\alpha\tau\alpha$ на Хиосе (BCH, 37, стр. 195, № 20, 7; ср. Pi. Isthm. II, 26); $\kappa\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ в Теосе (SIG, 37, 3; ср. Pi. Pae. II, 68); $\gamma\iota\nu\omicron\mu\alpha\iota$ в Эритрах (SGDI, ⁿ60 A; ср. Pi. Pyth. III, 12); $\Phi\epsilon\rho\epsilon\tau\epsilon\phi\omicron\nu\alpha$ в Смирне (SEG, XIV, 755; ср. Pi. Pyth. XII, 2).

К общим морфологическим явлениям относятся: дат. п. мн. ч. на: $-\omicron\iota\varsigma$, $-\omicron\iota\sigma\iota$ (SGDI, 5633, 11; ср. Pi. Pae. VII b, 12; SGDI, 5632 a, 2; ср. Pi.

⁴¹ Надписи Ионии цитируются в основном по: SGDI, Schwyzer, SEG, OGI; W. D i t t e n b e r g e r, Sylloge Inscriptionum Graecarum, I—III³, Lpz, 1915—1924 (далее — SIG).

Olymp. I, 39); род. п. мн. ч. на *-ῶν* (SGDI, 5728, 4; ср. Pi. Paе. IV, 37); им. п. на *-ῆς* (*-ῆς*, SGDI, ⁿ55,4; ср. Pi. Nem. IV, 67); окончание 3 л. ед. ч. *-σι* (SGDI, ⁿ62, 31; ср. Pi. Pyth. V, 65); инфинитивы на: *-εν* (SGDI, 5495; ср. Pi. Olymp. II, 69), *-αν* (SGDI, ⁿ60 A; ср. Pi. Nem. V, 18), *-ναι* (SGDI, 5589; ср. Pi. Pyth. IV, 35), *-σαι* (SGDI, 5687, 11; ср. Pi. Nem. V, 18); аористы на: *-σα*, *-ξα* (SGDI, 5603, 5634; ср. Pi. Isthm. II, 46, Paе. VIII, 12).

Много совпадений и по линии лексики. К относительно реже встречающимся словам поэтического обихода можно отнести: *δπαντᾶω (SIG, 798, 21; ср. Pi. Pyth. VIII, 59), *ἐγγυᾶω* (SIG, 364, 46; ср. Pi. Olymp. XI, 16), *ἀμιλλάσμαι (Schwyzer, 726,15; ср. Pi. Nem. X, 31), *στρωμνά (SIG, 589,44; ср. Pi. Pyth. IV, 230), *ἐορτά* (Schwyzer, 725,12; ср. Pi. Nem. IX, 11), *ὄχετός (OGI, 483,74; ср. Pi. Olymp. X, 37), *λουτρὸν* (SGDI, ⁿ64; ср. Pi. Olymp. XII, 19), *βᾶμα* (OGI, 299, 15; ср. Pi. Pyth. III, 43), *καρποφόρος (SIG, 820, 5; ср. Pi. Pyth. IV, 6), *πεμπάμερος (*πενθ-*, SIG, 364, 9; ср. Pi. Olymp. V, 6), *τέσσαρες* (SGDI, ⁿ49 B, 4; ср. Pi. Nem. III, 74), *δυόδεκα* (SGDI, 5416,5; ср. Pi. Nem. IV, 28), *ἔκαθεν* (SGDI, ⁿ61,2; ср. Pi. Olymp. X, 7), *ἐναλλάξ* (SGDI, 5371, 7; ср. Pi. Nem. X, 55), *ὀπισθεν* (SGDI, 5727 a, 65; ср. Pi. Olymp. VI, 63).

Общие языку Пиндара и надписям Ионии явления встречаются наиболее концентрированно в Эритрах, Теосе, Эфесе, Милете и на Хиосе, а также в Магнезии на Меандре, Приене и Смирне. Заслуживают внимания формы с *-ευ-* в Эритрах (SGDI, ⁿ63,18), *εὐός* в Теосе (SGDI, 5632 a, 3; ср. Pi. Pyth. IX, 93), *ξεῖνος* в Эритрах (SGDI, ⁿ60, B, 24), *κρέσσων* в Магнезии на Меандре (SIG, 685, 134; ср. Pi. Nem. IX, 15), *Ζηγός*, *Ζηγι*, *Ζῆνα* в Эритрах (SGDI, 5692 B, 26) и Эфесе (SGDI, 5598,3), *ἐς τρίς* в Эритрах (SGDI, ⁿ62, 38; ср. Pi. Olymp. II, 68.)⁴²

Сличение языка Пиндара с языком греческих письменных памятников Египта⁴³ дало возможность обнаружить наличие значительного общего лексического слоя. Так, например, из 534 встречающихся у Пиндара глаголов на: *-αω*, *-εω*, *-οω*, *-ζω*, *-νω* удалось выявить в египетских источниках 302. Для сравнения можно отметить, что в надписях Аттики их оказалось всего 58, Малой Азии — 44 и Арголиды — 27. Преобладающая часть общих глаголов относится к сугубо поэтической лексике и представлена у Гомера, 87 глаголов встречаются в послегомеровской поэзии и художественной прозе. Среди последних заслуживают внимания: *γεννάω (P. Lond. 1730,10; ср. Pi. Pyth. V, 74), *θυμιάω (P. Mag. Par. I, 2970; ср. Pi. Fr. 122, 4), *κοινάω (BGU, 248, 13; ср. Pi. Pyth. IV, 115), *κολλάω (P. Fay. 112,8; ср. Pi. Olymp. V, 13), *σταθιάω (P. Teb. 5,86; ср. Pi. Olymp. X, 45). Общими для Пиндара и надписей Египта являются также относительно редкие существительные: *βοτάνα* (P. Oxy. 729, 22; ср. Pi. Nem. VI, 42), *γέφυρα* (OGI, 175; ср. Pi. Isthm. 3/4,38), *χροά* (P. Lille 6, 12; ср. Pi. Nem. X, 44), *ἀγητήρ* (Sammelb. 8304,9; ср. Pi. Pyth. I, 69), *ἀλλάξ* (Palmer, Gr., 50; ср. Pi. Pyth. IV, 227), *ποντομέδων* (Sammelb. 8420,1; ср. Pi. Olymp.

⁴² См. подробнее об этом Н. С. Гринбаум, С. Д. Мисько, Язык и стиль древнегреческих писателей (VI—V вв. до н. э.), Кишинев, 1973, стр. 15—30.

⁴³ Надписи и папирусы Египта цитируются по: *Orientalis Graeci Inscriptiones selectae*, ed. W. Dittenberger, Lpz., 1903—5 (=OGI); *Berliner Griechische Urkunden*, B., 1895 (далее — BGU); *Sammelbuch Griechischer Urkunden aus Agypten*, ed. F. Preisigke, F. Bilabel, Straßburg, 1913 (далее — Sammelb.); *U. Wilcken, Urkunden der Ptolemäerzeit*, I—II, B. — Lpz., 1922—35 (далее — UPZ); *Papiri greci e latini*, Firenze, 1912 (далее — PSI); *Oxyrhynchus Papyri*, ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt, L., 1898 (далее — P. Oxy); *Papyri* (далее — P.), v. *Greek-English Lexicon*, ed. H. G. Liddell, R. Scott, Oxf., 1966: *F. Preisigke, Wörterbuch der griechischen Papyruskunde*, I—II, Heidelberg, 1925—27; *L. R. Palmer, A Grammar of the post-Ptolemaic Papyri*, vol. I, L., 1946 (далее — Palmer, Gr.).

VI, 103), *πατροπᾶτωρ* (Sammelb. 5802, 4; ср. Pi. Pyth. IX, 82), *ἱπποδρομία* (Palmer, Gr. 72; ср. Pi. Pyth. IV, 67), *εὐαμερία* (P. Ryl. 233, 16; ср. Pi. Isthm. I, 40).

Редкие поэтические слова представлены прежде всего в гимнах, по-священных и надгробных стихотворениях. Однако значительная часть общей с Пиндаром лексики используется в египетских источниках вне сферы поэзии. Многие слова встречаются в официальных прозаических документах. Определенное число представлено в текстах частного в основном характера: *πειράω* (Sammelb. 4369, II, 32; ср. Pi. Pae. IV, 46), **ὄπαντιώ* (Sammelb. 6, 23; ср. Pi. Pyth. VIII, 59), *μαίνω* (Sammelb. 8334, 15; ср. Pi. Nem. III, 16), **σπανίζω* (Sammelb. 4317, 7; ср. Pi. Nem. VI, 31), *ἀμοιβή* (Sammelb. 7696, 60; ср. Pi. Nem. V, 48), *κόπα* (Sammelb. 8255, 9; ср. Pi. Pyth. X, 51), **θόρυβος* (Sammelb. 8852, 9; ср. Pi. Olymp. X, 72), **πλάξ* (Sammelb. 8808, 14; ср. Pi. Pyth. I, 24), **οἰκιστήρ* (-ης, Sammelb. 7602, 4; ср. Pi. Olymp. VII, 30), **βάσις* (Sammelb. 8911, 6; ср. Pi. Pyth. I, 2), **αἴρεσις* (Sammelb. 7784, 7; ср. Pi. Nem. X, 82), **ἐντολή* (Sammelb. 7611, 2; ср. Pi. Fr. 177 c), **ἀσχολία* (-έω, Sammelb. 7993, 4; ср. Pi. Isthm. I, 2), **καλλίνικος* (Sammelb. 8029, 24; ср. Pi. Pyth. V, 106), **ἐπιτροπος* (Sammelb. 7558, 14; ср. Pi. Olymp. I, 106), **ἐπάπτας* (Sammelb. 8303, 25; ср. Pi. Nem. IX, 5), **πενταετηρίς* (-θ-, Sammelb. 7645, 10; ср. Pi. Nem. XI, 27).

Наряду с относительно более распространенной лексикой удалось обнаружить в надписях Египта слова значительно более ограниченного употребления: *ἐξερτάω* (BGU, 1141, 34; ср. Pi. Pyth. IX, 44), *προσπαλαίω* (PSI, I, 76, 6; ср. Pi. Pyth. IV, 290), *βιττεύω* (P. Masp. 89, III, 18; ср. Pi. Nem. IV, 6), *ἐπίβδα* (Sammelb. 4588; ср. Pi. Pyth. IV, 140), *ἀναξία* (P. Masp. 64, 1; ср. Pi. Nem. VIII, 10), *κτίσις* (P. Lond. 1434, 150; ср. Pi. Olymp. XIII, 83), *κυβερνάσις* (P. Lond. 1349, 20; ср. Pi. Pyth. X, 72). Глагол *εργυρίζω* представлен кроме Пиндара (Nem. X, 43) только в одной из аттических надписей (IG, III, 899, 4) и в папирусе II в. н. э. (BGU, 387, 20); прилагательное *φθινοπωρινός* (ср. Pi. Pyth. V, 120: *-πωρίς*) в папирусе III в. н. э. (P. Hib. I, 27, 170); наречие *ὀπίθεν* — у Гомера (II. VI, 181), Эхсила (Pers. 1001, 19), Пиндара (Olymp. X, 35) и в папирусе VI в. н. э.: *ὁ ὀπίθεν χρόνος* (P. Masp. 158, 22). Глагол *εἰλαπινίζω* засвидетельствован у Гомера (Od. II, 57) и Пиндара (Pyth. X, 40), редкое существительное *εἰλαπίνη* (II. XVIII, 491; E. Med. 193) — в одном из папирусов III в. н. э. (BGU, 1080, 10)⁴⁴.

Анализ языкового материала западной окраины греческого мира позволил обнаружить в надписях Италии и Сицилии определенное число общих с Пиндаром элементов⁴⁵.

С фонетической точки зрения заслуживают внимания: *τάμνω* (Schwyzer, 62, 12; ср. Pi. Olymp. XII, 6a), *πολιᾶ-* (Schwyzer, 62, 95; ср. Pi. Isthm. I, 51: *πολιᾶτας*), *ὄνυμα* (SIG, 1122, 8; ср. Pi. Olymp. VI, 57), *ὄσσοις* (Schwyzer, 62, 110; ср. Pi. Pyth. III, 47), *μέσσοις* (Schwyzer, 62, 64; ср. Pi. Pyth. IV, 224), *θάλασσα* (Schwyzer, 63, 12; ср. Pi. Fr. 340), *παντᾶ* (Schwyzer, 62, 141; ср. Pi. Olymp. IX, 24), *σάμερον* (Thumb, I, 97; ср. Pi. Pyth. IV, 1). В морфологическом плане можно отметить: артикль *ταί* (*τοί*, Schwyzer, 62, 105; ср. Pi. Nem. VII, 12); род. п. ед. ч. на *-αο* (Schwyzer, 302; ср. Pi. Pyth. IV, 250); дат. п. мн. ч. на *-οισι* (Thumb, I, 212; ср. Pi. Pae. VI, 180); *-εσσι* (Schwyzer, ad 147 g; ср. Pi. Nem. IX, 4); им. п. мн. ч. на *-εε* (IG, XIV,

⁴⁴ См. подробнее Н. С. Гринбаум, *Язык Пиндара и надписи Египта*, в сб. «Проблемы классической филологии», Кишинев, 1972, стр. 60—84.

⁴⁵ Надписи Италии и Сицилии цитируются по: *Inscriptiones Graecae*, XIV (*Inscriptiones Italiae et Siciliae*), ed. G. Kaibel, Berolini, 1890 (далее — IG, XIV); SEG; Schwyzer; SIG.

952, 11; ср. Pi. Pyth. V, 97); форму личного местоимения *τιν* (Bechtel, II, 347; ср. Pi. Pyth. I, 29); сравнительную степень *μειων* (Schwyzer, 62,114; ср. Pi. Olymp. I, 35); глагольные формы: *εσσι* (Bechtel, II, 354; ср. Pi. Olymp. VI, 90), *εσσαμαι* (Schwyzer, 62,113; ср. Pi. Pyth. III, 108), *επετον* (IG, XIV, 642; ср. Pi. Olymp. VII, 69), окончание 3 л. мн. ч. *-ντι* (Thumb, I, 97; ср. Pi. Nem. VII, 13); аористы на *-σσ-*, *-ξ-* (Thumb, I, 97,99; ср. Pi. Olymp. VII, 75, Nem. VI, 52); перфектный инфинитив на *-ειν* (IG, XIV, 952, 15; ср. Pi. Olymp. VI, 49); причастия: *γεγενημένος* (Schwyzer, 62, 39; ср. Pi. Pae. VIII, 84); *πεφουτευμένος* (Schwyzer, 62,112; ср. Pi. Pae. XVIII, 2). Выявлен и общий лексический слой: *καμι* (Thumb, I, 214; ср. Pi. Pyth. IV, 248), *αντιβολεω* (IG, XIV, 2431; ср. Pi. Olymp. XIII, 30), *στεφανω* (IG, XIV, 256,18; ср. Pi. Olymp. XIV, 24), **ταμειω* (IG, XIV, 751, 3; ср. Pi. Olymp. VIII, 30), *τελεσθω* (Schwyzer, 62,111; ср. Pi. Pyth. II, 78), *δαιδάλλω* (IG, XIV, 967 a, 3; ср. Pi. Nem. XI, 18), *αστεροπα* (IG, XIV, 641; ср. Pi. Nem. IX, 19), **ορφα* (IG, XIV, 2012 C, a, 4; ср. Pi. Pyth. I, 23), **βασανος* (IG, XIV, 1320,2; ср. Pi. Pyth. X, 67), *οπάων* (IG, XIV, 1389, I, 52; ср. Pi. Pyth. IX, 64), **πειδίας* (IG, XIV, 1290, 59; ср. Pi. Pyth. V, 91), *σαμα* (Schwyzer, 302; ср. Pi. Pyth. IV, 200); *εκατόμπεδος* (Schwyzer, 63,24; ср. Pi. Isthm. VI, 22); **ταχύποτος* (IG, XIV, 2005,1; Pi. Olymp. I, 66).

Можно сравнить существительное *φραδα* у Пиндара (Olymp. XII, 9) с *φραδατήρ* в одной из сицилийских надписей (IG, XIV, 211, 3); *μαστός* у Пиндара (Pyth. IV, 8) с *μασθός* на Сицилии (IG, XIV, 217, 47); наречие *πέλας* (Olymp. VII, 18) с суперлативом *πελάστατος* на Сицилии (IG, XIV, 352, 65); *άνω* (Pi. Olymp. XII, 6), *κάτω* (Pi. Olymp. XII, 6), глаголы *πράσσω* (Pi. Pae. VIII, 12), *εργάζομαι* (Pi. Nem. V, 1) у Пиндара и в сицилийских и южноиталийских надписях (IG, XIV, 352,68; 265,15; Schwyzer, 144,1; 62,159, 169).

Привлекают внимание древние поэтические слова, имеющиеся и у Гомера: *αλέγω* (IG, XIV, 1389, II, 6; ср. Pi. Olymp. XI, 15), *θελγω* (IG, XIV, 1960, 8; ср. Pi. Nem. IV, 3), *δοκεω* (IG, XIV, 2068,6; ср. Pi. Olymp. X, 30), *ατιάλλω* (IG, XIV, 2005,3; ср. Pi. Nem. III, 58), *κραινω* (IG, XIV, 433,5; ср. Pi. Pyth. IV, 175), *καταμάρπτω* (IG, XIV, 1389, I, 17; ср. Pi. Nem. III, 35). Среди негомеровских встречаются такие редкие термины, как: *τροφίδιον* (IG, XIV, 352, 65), ср. *τόρσις* у Пиндара (Olymp. II, 77); *αυλαξ* (IG, XIV, 453; ср. Pi. Pyth. IV, 227); *δυνασις* (SEG, XVI, 573, I, A, 2; ср. Pi. Pyth. IV, 238). Сюда относятся и крайне редко встречающиеся в греческой литературе композиты: **αδύπνοος* (IG, XIV, 607 e, 3; ср. Pi. Olymp. XIII, 22); **ιεραπόλος* (IG, XIV, 256, 1, ср. Pi. Parth. I, 6); **νεοδματος* (IG, XIV, 2508; ср. Pi. Isthm. 3/4, 80), **πενταετηρίς* (Schwyzer, 62,105; ср. Pi. Nem. XI, 27).

Сличение языка Пиндара с эпиграфическим языковым материалом Малой Азии, Египта, Италии и Сицилии показало наличие значительного числа общих языковых явлений. Как и на материке, последние распространены на окраинах греческого мира неравномерно. В Малой Азии общие языковые элементы встречаются наиболее концентрированно в городах Ионии, расположенных на побережье между Гермосом и Меандром, т. е. на территории древней Лидии. Удалось выделить и ряд надписей, наиболее характерных в этом отношении. В Теосе — надпись SGDI, 5632 (V в. до н. э.), содержащую закон об охране города; в Эфесе — надпись SGDI, ⁿ49 (VI в. до н. э.) о денежных пожертвованиях на строительство храма; в Эритрах — надписи SGDI, ⁿ60, 5689 (IV в. до н. э.), содержащие декреты, и SGDI, 5692 (III в. до н. э.) с описанием жертвоприношения; в Милете — надпись SGDI, 5495 (I в. до н. э.) и 5497 (IV в. до н. э.), представляющие: первая — копию надписи V в. до н. э. с храмовыми

предписаниями об организации торжественного шествия, вторая — храмовые предписания о жертвоприношениях; в Галикарнасе — надпись SGDI, 5727 с соглашением о покупке храмовой земли; на Хиосе SGDI, 5653 (V в. до н. э.) об уточнении границ в районе Лофитис. Надписи относятся в основном к V в. до н. э. и все они прозаические.

Трудно сказать, существует ли связь между обнаруженными нами языковыми особенностями в надписях упомянутых городов и сообщением Геродота о том, что городам Лидии (в их числе Эфесу и Теосу) были свойственны общие языковые черты и что на одном и том же диалекте говорили в Эритрах и на Хиосе (Herod., I, 142). Однако именно на этой территории сохранились дольше, чем в других местах, элементы общей Пиндару и надписям Малой Азии языковой среды. В связи с этим заслуживает внимания отсутствие в древнейших надписях Милета, Эфеса, Теоса, Эритр и Хиоса придыхания, которое там, как и в Галикарнасе, не отмечается при красисе и элизии⁴⁶.

В надписях и папирусах Египта общий с Пиндаром лексический слой обнаружен в официальных и частных документах с III в. до н. э. и по VI в. н. э. Он засвидетельствован в относительно более концентрированном виде в Канопе и Розетте, Фаюме (Арсиноз, Филадельфия, Каранис), Оксиринхе, районе Фив (Фивы, Гирге, Панополь, Харгех) и Элефантины (Элефантина, Филы, Калабша). Среди официальных прозаических документов обращают на себя внимание составленные египетскими жрецами декреты в честь Птолемеев: канопская надпись III в. до н. э. (OGI, 56), и декрет II в. до н. э. из Розетты в честь Птолемея V (OGI, 90, а. 190^a). Однако основная часть общей с Пиндаром лексики встречается в папирусном материале Верхнего Египта. Значительная ее доля представлена у Гомера и является, несомненно, весьма древней по своему происхождению. Остальная засвидетельствована в аттической драме и частично в аттико-ионийской художественной прозе V—IV вв. до н. э.

На западной окраине греческого мира общие Пиндару и надписям фонетико-морфологические явления выступают наиболее отчетливо в Южной Италии (главным образом в Гераклее) и в Сицилии (Агригент, Гела, Сиракузы, Селинунт). Общий лексический слой, включающий редко встречающиеся слова поэтического обихода, засвидетельствован прежде всего в надписях Рима, отчасти Гераклеи, а также в Сицилии: Агригенте, Галезе, Акрах, Геле и Тавромении. Среди эпиграфических памятников особо выделяются знаменитые гераклеийские таблицы конца IV в. до н. э. (IG, XIV, 645; Schwyzer, 62—63), содержащие описание арендуемых участков священных земель Диониса и Афины Полиады. Можно указать также на надписи: SEG, XVI, 573, 574 из Селинунта (V в. до н. э.), IG, XIV, 352 из Галезы (I в. до н. э.) и IG, XIV, 1389 из Рима, в которых под позднейшим языковым слоем заметно прослеживаются более древние фонетико-морфологические и особенно лексические элементы.

Третий этап нашего исследования показал, что определенная часть упомянутых выше надписей, в основном прозаических, связана с организацией храмового хозяйства.

Широкое присутствие общих с Пиндаром языковых элементов на территории Ионии и Египта убедительно свидетельствует об их недорийском характере. Что касается Южной Италии и Сицилии, то и здесь эти общие языковые явления даже в документах дорийского происхождения (например, в гераклеийских таблицах) явно связаны с додорийским языковым слоем.

⁴⁶ F. B e c h t e l, Die griechischen Dialekte, Bd III, B., 1924, стр. 36—37.

Сличение языка Пиндара с языком эпиграфических памятников Греции было бы неполным без учета крито-микенских надписей⁴⁷. Сравнение фонетико-морфологической системы пиндарова языка и языка крито-микенских текстов дает возможность обнаружить ряд общих элементов.

В фонетическом плане сюда относятся: а) ассимиляция *ti/si*: в отглагольных именах с суффиксом *-si-*: *σύνθεσις* (Pi. Pyth. V, 168) — *a-pu-do-si* = *ἀπόδοσις* (PY Ma, 222); в окончании 3 л. мн. ч. настоящего времени: *ναίσιμι* (Pi. Pyth. XII, 26) — *e-ko-si* = *ἔχομι* (PY An, 724); в производных от основ на *-t*: *Ἀρτεμίσιον* (Pi. Fr. 77) — *ra-wa-ke-si-jo* = *λαρταγέσιον* (PY Ea, 132); б) сохранение отдельных неассимилированных форм на *-ti-*: в глагольных формах (в крито-микенских текстах лишь в сложных собственных именах): *ἴητι* (Pi. Isthm. II, 9) — *o-ti-na-wo* = *Ὀρτιναῖος* = *Ὀρτι-* (PY Cn, 285), *ta-ti-qa-we-u* = *Στατιβῆθευς* = *Στασι-* (PY An, 724); в именах существительных (в крито-микенских текстах лишь в географических названиях): *φάτις* (Pi. Pyth. I, 96), *ἀνάπτωτις* (Pi. Olymp. IX, 52) — *mi-ra-ti-ja* = *Μιλάρια* (PY An, 798); *pa-i-ti-jo* = *Φαίστιος* (Vilborg, 52), ср. *pa-i-to*; *ra-ti-jo* = *Λατίος* (там же), ср. *ra-to* (там же); в) сохранение общегреческого долгого *a*: *Ἀθάνα* (Pi. Pyth. X, 45) — *a-ta-na* (Documents, 102), *κράνα* (Pi. Fr. 70.2) — *ka-ra-na* (PY Nn, 228), *μάτηρ* (Pi. Pae. IX, 2) — *ma-te* (PY An, 607); г) вокализм прилагательного (наречия): *ἰερός* (Pi. Pae. XVIII, 1) — *i-je-ro* (PY Ae, 303), *δῆς* (Pi. Fr. 111a,3) — *o-te* (PY Ta, 714), *ἔνεκα* (Pi. Olymp. II, 5) — *e-ne-ka* (PY Ae, 303); имена богов: *Ποσειδάων* (Pi. Olymp. I, 75) — *po-se-da-o* (PY Es, 653), *Ἄρτεμις* (Pi. Pyth. II, 7) — *a-te-mi-to*, gen. (PY Es, 650), *Δαμάτηρ* (Pi. Olymp. VI, 95) — *da-ma-te* (PY En 609); д) начальное *pt-* у существительного *πόλις*: *πόλις* (Pi. Dith. 1,6) — *po-to-ri-jo* — *Πτολιών* (KN As, 1517); е) прилагательное на *-ios*: *ἔσιος* (Pi. Nem. XI, 8) — *ke-se-nu-wi-jo* (PY Fr, 1245); предлоги: *πᾶρά* (Pi. Pyth. V, 47) — *pe-da* (KN X, 114), *μετά* (Pi. Pae. IX, 21) — *me-ta* (PY An, 610).

В морфологическом плане можно отметить в области склонения: род. п. ед. ч. *α*-основ на *-xo*: *αἰχμητῶ* (Pi. Pyth. IV, 12), ср. *su-ko-ta-o* (PY Ea, 109); о-основ на *-oio*: *πύργοιο* (Pi. Pae. XIII, a. 4), ср. *ku-ru-so-jo* (PY Ae, 303); дат. п. мн. ч. *α*-основ на *-ais*: *ἀγέλαϊς* (Pi. Dith. 2, 23); ср. *do-ka-ma-i* (PY An, 1282), о — основ на *-ois*: *στεφάνοις* (Pi. Parth. II, 48), ср. *do-e-ro-i* (PY Fn, 50); согласных основ на *-si*: *σφίμασι* (Pi. Nem. IX 23); ср. *pa-ki-ja-si* (PY An, 18); им. п. мн. ч. *σ*-основ на *-ea*: *βέλας* (Pi. Olymp. XIII, 95), ср. *a-ke-a₂* (PY Vn, 131); дат. п. на *-si*: *ἀνθεσι* (Pi. Pae. I, 10); ср. *ze-u-ke-si* (PY Ub, 1318); род. п. ед. ч. существительного *θεῖμος*: *θεῖμος* (Pi. Olymp. XIII, 8) — *ti-mi-to* (PY Cn, 600); род. п. от *Ζεὺς*: *Διός* (Pi. Olymp. II, 58) — *di-wo* (PY An, 172), *Δι* (Pi. Nem. I, 72) — *di-we* (PY Tn, 316).

В области спряжения заслуживают внимания: окончание 3 л. ед. ч. атематических глаголов *-si*: *δίδωσι* (Pi. Nem. VII, 59), ср. *pa-si* (PY Ep, 704); 3 л. мн. ч. тематических глаголов — (η)si: *φύλασσοισι* (Pi. Nem. XI, 5), ср. *o-re-ro-si* (PY Nn, 228); глагольная форма *e-ra* (KN Dc, 1298), соответствующая 3 л. ед. ч. *ἔλα* или *ἔλᾱ* от глагола *ἐλάω* (Vilborg, 110), ср. у Пиндара *τιμᾶ* (Isthm.] VI, 67), *τόλμα* (Pae. VI, 94); 3 л. ед. ч. будущего

⁴⁷ Крито-микенские надписи цитируются по: M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Camb., 1956 (далее — Documents); Inscriptiones Pyliae ad Mycenaean aetatem pertinentes, recc. C. Gallavotti, A. Sacconi, Romae, 1961 (далее — PY); E. L. Bennett, J. Chadwick, M. Ventris, The Knossos Tablets, L., 1956 (далее — KN); E. L. Bennett, The Mycenaean Tablets, Proceedings of the American Philological Society, 97, 1953, стр. 422—470; E. Vilborg, A Tentative Grammar of Mycenaean Greek, Göteborg, 1960 (далее — Vilborg).

времени do-se (PY Un, 718), ср. у Пиндара δώσει (Pyth. XII, 32); аористы do-ke (PY Un, 267), te-ke (PY Ta, 711), ср. у Пиндара δώκε (Pyth. IV, 222), θήκε (Olymp. III, 22); формы сигматического аориста: su-ra-se (PY Ae, 8), e-re-u-te-ro-se (PY Na, 395), ср. у Пиндара τήρασε (Nem. VI, 41), γεφύρωσε (Isthm. VIII, 51); медиальный аорист de-ka-sa-to (PY Pn, 30), ср. у Пиндара δέξατο (Pyth. IV, 255); аористное причастие a-ke-ra-te (PY Vn, 493), ср. у Пиндара μείναντες (Olymp. II, 69); perfetto причастие a-ra-tu-ja (Vilborg, 118), ср. у Пиндара εἰδύα (Fr. 182,2), πεφρικυῖα (Isthm. VI, 40).

Почти все перечисленные явления встречаются также у Гомера. Однако их присутствие в крито-микенских текстах служит убедительным доводом, что многие языковые явления хоровой лирики могли быть ею усвоены независимо от Гомера и до Гомера, поскольку они были составной частью греческого языка XIV—XII вв. до н. э.

Возникает законное предположение, что таким же путем и без посредства гомеровского языка хоровая лирика могла унаследовать и многие другие элементы архаического греческого языка, не обнаруженные пока в догомеровских источниках, но сохранившиеся в ряде случаев в позднейших греческих надписях в качестве его рудиментов. Так, например, в крито-микенском засвидетельствован лишь инфинитив на -ев, а у Пиндара имеются инфинитивы на -ев, -ειν, -μεν, -εμεν, -μεναι, -ναι, -σαι. Можно не сомневаться, что они находились когда-то в живом употреблении на определенной территории Греции и затем проникли в язык гомеровской поэзии, с одной стороны, и хоровой лирики — с другой. Наличие инфинитивов на: -ев, -ειν, -μεν, -εμεν, -μεναι в отдельных греческих прозаических надписях классического периода служит этому убедительным подтверждением.

О связи языка хоровой лирики с архаическим греческим языком свидетельствует и наличие в ней ряда сложных имен с глагольными основами, не представленными у Гомера: ἀναξι-φορμιγξ (Pi. Olymp. II, 1), ἀξι-γυιος (Pi. Nem. IV, 73), διώξ-ιππος (Pi. Pyth. IX, 4), ἐναρι-μβροτος (Pi. Pyth. VI, 30), δαμασι-φρων (Pi. Olymp. XIII, 78), μνασι-στεφανος (Pi. Fr. 19), ἐρασι-μолπος (Pi. Olymp. XIV, 16), ἀγгσι-γορος (Pi. Pyth. I, 4), φιλησι-μолπος (Pi. Olymp. XIV, 14), τελεσ(σ)и-επής (Pi. Pae. VII, 2), φθινο-καρπος (Pi. Pyth. IV, 265), λιπό-τεκνος (Pi. Parth. I, 16). За небольшим исключением эти глагольные основы представлены в надписях в соответствующих собственных именах: Ἀναξι-πολις, -ιππος, -φилос в Фессалии (IG, IX, 2, 534, 10), Аттике (IG, II, 2505) и на Эвбее (IG, XII, 9, 561,2); Ἀξι-βιος в Италии (IG, XIV, 2123); Διώξ-иππος, -и-μαχος в Аттике (Bechtel⁴⁸, HP, 138; IG, I², 958,5); Δαμασι-στратос в Аттике (IG, I², 1022); Μνασι-δαμος, -διχα в Фессалии (Bechtel, HP, 319) и на Лесбосе (Bechtel, HP, 319); Ἐρασι-μβροτος, -νίδης, -ιππα на Родосе (BSH, 14, 282, II, 122), в Аттике (SIG, 108,5) и Арголиде (SIG, 1169,120); Ἀγгσι-κλгς, -μβροτος в Аттике (IG, I², 929, 115) и на Родосе (IG, XII, 1, 46, 313); Φιλησι-θεος, Φιλησία в Италии (SIG, IV, 6483) и Аттике (IG, II, 3474); Τελεσι-δρομος, -γένεια в Аттике (IG, I², 5, 4), Фессалии (IG, IX, 2, 893) и на Эвбее (IG, XII, 9, 245 B, 220).

Древность ряда основ пиндаровых композитов подтверждают крито-микенские тексты:

ἀναξι — ср. кр.-мик. Wa-na-si-ja-ke PY Vn, 851,7, Φανασ(σ)ιάγгς, -ἀρχгς (Landau, 105, 204)⁴⁹;

⁴⁸ F. Bechtel, Die historischen Personennamen, Halle, 1917 (далее — Bechtel, HP).

⁴⁹ O. Landau, Mykenisch-griechische Personennamen, Göteborg, 1958 (далее — Landau).

ἄεξι — ср. кр.-мик. A-we-ke-se-u PY Cn, 285,5, ἈΨεξός (Landau, 33);
 μνασι — ср. кр.-мик. Ma-na-si-we-ko PY Jn, 431,3, Μνασιφέρτος (Landau, 79);

ερασι — ср. кр.-мик. E-ra-(si)-ni-ja KN U, 0478, 13, Ἐρασινας (Landau, 50);

ἄγησι — ср. кр.-мик. A-ke-si-ja KN Ap, 637,1, Ἀγησία (Landau, 18);

В крито-микенских надписях обнаружен ряд простых имен, отсутствующих у Гомера, но имеющих у Пиндара:

ἀνίαи — Fr. 1 a. 2; ср. a-ni-ja KN Sd, 0402, ἀνίαи (Vilborg, 66);

ἀνδρίας — Pyth. V, 40; ср. a-zi-ri-ja-te PY Ta, 707, ἀνδρίας dat. sg. (Documents, 386);

ἐπίλοιπος — Olymp. I, 33; ср. o-pi-ro-qo- PY Aa, 777, ἐπίλοιπος (Documents, 402);

βουβότας — Isthm. VI, 32; ср. кр.-мик. qo-u-qo-ta-o PY Ea, 305, βουβότας, gen. sg. (Vilborg, 72);

λαγέτας — Pyth. X, 31; ср. кр.-мик. ra-wa-ke-ta PY An, 724, 7, λαγέτας (Landau, 204);

ἐπέτας — Pyth. V, 4; ср. кр.-мик. e-qe-ta PY An, 519, 15, KN As. 821, ἐπέτας (Documents, 393);

εργάτις — Isthm. II, 6; ср. кр.-мик. we-ka-ta KN C, 59,1, Φεργάτις (Vilborg, 72);

εμενής — Pae. 2.78; ср. кр.-мик. E-u-me-ne PY Jn, 725.15; Εμεμένης (Landau, 54).

Следы древнейшего греческого поэтического словосложения сохранились в композитах — собственных именах наиболее отчетливо в эпиграфическом материале Фессалии, Аттики и о. Эвбеи. К ним можно добавить теперь Мессению (Пилос) и Крит (Кнос). Среди пилосских собственных имен, близких к пиндаровым простым и сложным нарицательным, привлекают внимание имена греческих кузнецов: A-ke-wa-ta PY Jn, 431,17, ἈρχεΨάτας; ср. у Пиндара: ἀρχέπολις (Pyth. IX, 54); Ma-na-si-we-ko PY Jn, 431,3, Μνασιφέρτος; ср. у Пиндара: μνασιτέρας (Fr. 19); Pi-ro-we-ko PY Jn, 289,12, Πιρόφέρτος; ср. у Пиндара: φιλόμολπος (Nem. VII, 9); Ko-ne-wa-ta PY Jn, 431,13, ΣχοινίΨάτας; ср. у Пиндара: σχοινοτένης (Fr. 70 b, 1); Ma-ta-ko PY Jn, 845, 11, Μιθρακος; ср. у Пиндара: μιθρακώριος (Isthm. II, 8); Ma-ka-ta PY Jn, 725,4; Μηχάτας; ср. у Пиндара: μηχάτας (Nem. II, 13); Ka-sa-to PY Jn, 320.5; ср. у Пиндара: ξαθής (Dith. 2,11); Ka-ra-u-ko PY Jn, 703,8, Γλαῦκος; ср. у Пиндара: Γλαῦκος (Olymp. XIII, 60); Ai-so-ni-jo PY Jn, 706, Αἰσόνιος; ср. у Пиндара: Αἰσών (Pyth. IV, 118); E-ki-wo PY Jn, 320,2, Ἐχίων; ср. у Пиндара: Ἐχίων (Pyth. IV, 179).

Произведенное нами широкое сличение языка Пиндара как основного представителя греческой хоровой лирики с языком эпиграфических памятников древней Греции дает основание сделать ряд заключений.

В надписях определенных центров материка и греческой периферии нами были обнаружены ранее не отмечавшиеся следы единой архаической языковой среды. Характер надписей, представляющих собой в основном прозаические документы религиозной, культовой и хозяйственной сфер, не оставляет сомнения в их непосредственной непричастности к поэтическому языку. Однако с точки зрения классической греческой литературы, большинство общих надписям и Пиндару языковых элементов является сугубо поэтическим. Объяснение этому факту может быть дано лишь одно: язык хоровой лирики и отмеченные языковые особенности надписей восходят к одному источнику. Разница между ними состоит в том, что в хоровой лирике этот общий источник огражден значительно полнее и шире, а в надписях он представлен рудиментарно.

Как показал анализ, архаическая языковая среда, о которой идет речь, объективно существовала на территории Греции и охватывала значи-

тельный ареал. Она не имела непосредственного отношения к дорийцам. На это указывает наличие ее следов в областях, не оккупированных дорийцами, и субстратный их характер на землях, занятых последними. Об архаичности этой среды свидетельствует близость ряда ее языковых элементов к гомеровскому, с одной стороны, и языку крито-микенских текстов II тыс. до н. э. — с другой ⁵⁰.

Заслуживает внимания, что основная часть фонетико-морфологических явлений, общих Пиндару и надписям, представлена в эпиграфическом материале Греческого Севера: в Фессалии, Беотии и Фокиде, на Лесбосе и лидийском побережье Малой Азии. Именно здесь мы находим языковые элементы, почти нигде больше в надписях не отмеченные, например, окончания род. п. ед. ч. -ου, -οιο (Фессалия), глагольные формы на -οισι (Лесбос, Хиос), инфинитивы: ἔμμεν (Фессалия), ἔμμευσι (Лесбос), форму числительного ἐς τρίς (Иония, Эритры). Вместе с тем наличие ряда особенностей, характерных для надписей Северо-Западной Греции (глагольное окончание -υτι, предлог ἐν с вин. п., предлог ποτι, артикль ταί и т. д.) и не представленных ни на Лесбосе, ни в Малой Азии, дает основание думать, что поэтический язык хоровой лирики был первоначально связан с северным ареалом материковой Греции ⁵¹.

Заслуживает пристального внимания и отражение в надписях общей с Пиндаром лексики. В отличие от фонетико-морфологических особенностей она явно преобладает в эпиграфическом материале Центральной Греции — в Аттике и Арголиде, а также на окраинах греческого мира — Египте, Малой Азии и Италии. Можно предположить, что центральная часть материка оказалась более богатой в лексическом отношении. Свидетельствует ли наличие большого слоя общей с Пиндаром лексики в надписях Египта и Малой Азии о влиянии восточных культур на формирование греческого литературного языка или же речь идет о занесении на эти территории древней лексики выходцами из греческого материка — сказать пока трудно. Не исключено, что следует считаться с существованием обоих упомянутых выше процессов.

История литературы убедительно доказывает, что возникновение любого литературного языка связано с наличием определенных экономических и социально-политических условий местного или более широкого значения. Не исключена при этом возможность образования на той или иной территории нескольких региональных литературных языков на базе различных локальных центров. Такое развитие характерно и для древней Греции, где специфические особенности ее географии, экономической и политической жизни способствовали относительному партикуляризму отдельных ее частей. Этим и следует объяснить возникновение локальных литературных языков, послуживших базой образования жанровых языков лесбосской мелики Алкея и Сафо, ионийской лирики Анакреонта и Мимнерма, отчасти аттической драмы. Хотя своими корнями эти языки уходили в предыдущую эпоху, они отразили в значительной степени местный языковой колорит.

Вместе с тем общественная жизнь Греции с незапамятных времен отличается неуклонным стремлением к укреплению межплеменных и межобластных связей на экономической, политической и религиозной почве. Общие культовые центры, союзы племен и городов, совместные акции военного характера, организация региональных или всегреческих празднеств — лишь некоторые из проявлений этой характерной для всей гре-

⁵⁰ Ср. Н. С. Гринбаум, Крито-микенские тексты и язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар), «Studia Museana», Brno, 1968, стр. 74—86.

⁵¹ Ср. U. v. Wilamowitz-Moellendorf, Pindaros, B., 1922, стр. 98—101.

ческой истории тенденции к сплочению и единству. Укрепление и продолжительная стабильность межрегиональных союзов имела своим закономерным последствием усиление междиалектных и наддиалектных связей, создавая благоприятную почву для формирования со временем межрегиональных языков.

Можно предположить, что в начале II тыс. до н. э. или еще раньше в Северной Греции — Пеласгиотиде (Фессалия) и прилегающих к ней районах начинает складываться архаический греческий литературный язык⁵². В течение ряда столетий он развивался в относительно мирных условиях, охватывая постепенно центр и юг материковой Греции и на востоке лидийское побережье Малой Азии⁵³. Вторжение дорийских племен в последней четверти II тыс. приводит к резкому перемещению населения Греции и вынуждает значительную его часть эмигрировать. Выходцы из материка уносят с собой на окраины греческого мира — в Малую Азию, Египет, Южную Италию и Сицилию сложившийся на родине литературный язык и ряд его элементов (особенно лексического характера) продолжает еще долгое время сохраняться на новых землях, несмотря на наличие чужеродной среды. На самом греческом материке архаический язык теряет вследствие нарушения былого единства свою реальную базу и вытесняется из общего употребления. Он продолжает, однако, сохраняться в ряде центров архаической Греции, где нашло убежище ушедшее с прежних насиженных мест население или куда не ступила нога завоевателей. Элементы этого языка мы и обнаруживаем под слоем позднейших напластований спустя многие века в прозаических эпиграфических памятниках Фессалии и Аттики, Аркадии и Фокиды, Аролиды и Крита.

Не исчезает и образовавшийся на базе архаического литературного языка имевший уже свои богатые традиции и тесно связанный с народными истоками древнейший греческий поэтический язык⁵⁴. Поэтический язык микенской эпохи, отразив закономерности, реально существовавшие и объективно сложившиеся в ходе исторического развития архаического языкового ареала, становится основным источником формирования языка двух важнейших ответвлений греческой литературы: хоровой лирики, с одной стороны, и греческого эпоса — с другой⁵⁵. При этом в отличие от эпического язык хоровой лирики удерживает свои преимущественные связи с греческим материком и продолжает питаться сокровищницей народной поэзии, богатством ее образов и языковых средств⁵⁶, бережно хранимых в древнейших, в том числе и культовых центрах древней Греции. Сличение языка Пиндара, виднейшего представителя хоровой лирики, с языком греческих надписей свидетельствует о том, что греческая хоровая лирика может служить еще одним дополнительным источником при восстановлении исторического прошлого греческого народа в древнейшую микенскую эпоху.

⁵² Эта область привлекает внимание исследователей с точки зрения греческих мифологических представлений, ср. P. Philipson, *Thessalische Mythologie*, Zürich, 1944, стр. 19.

⁵³ W. Christ, W. Schmid, *Geschichte der griechischen Literatur*, I⁶, München, 1912, стр. 14.

⁵⁴ И. М. Тронский постулирует для микенской эпохи наряду с документальным и поэтическое койнэ, являющееся одним из источников как гомеровского языка, так и языка хоровой лирики, см. «*Studia Museana*», Brno, 1968, стр. 180, 197; см. также И. М. Тронский, *Вопросы языкового развития в античном обществе*, Л., 1973, стр. 131.

⁵⁵ Н. С. Гринбаум, *Микенская койнэ и проблема образования языка древнегреческой хоровой лирики*, «*Atti e memorie del 1° Congresso Internazionale di micenologia*», III, Roma, 1967, стр. 64—75.

⁵⁶ И. И. Толстой, *Статьи о фольклоре*, М.—Л., 1966, стр. 230—231: «Аттическая трагедия... хоровая и монодическая лирика... уходят своими корнями в фольклор. Не составляет исключения в этом отношении и эпос».

THE LANGUAGE OF GREEK CHORAL LYRIC AS HISTORICAL SOURCE MATERIAL

by N. S. Grinbaum

The author's opinion that ancient Greek literary languages were formed from previously existing literary languages and that the songs of Greek choral lyric were closely connected with archaic cults and rites and were performed, on Homer's testimony, in different centres of Achaean Greece has caused him to question the accepted view that choral lyric was created by the Dorians. On this view the language of choral lyric was formed in the 2nd millennium B. C. in the predoric lingual area of Greece. To test this thesis the author turned to the epigraphical evidence. The decipherment of Linear B revealed that Mycenaean texts of the 14th to 12th centuries contained a number of linguistic elements which are also found in Greek choral lyric. The author undertook a wide-ranging comparison of the language of Pindar with the language of inscriptions from the classical period. In its first stage his investigation covered three districts of mainland Greece which were relatively or absolutely untouched by the Dorian invasion: Thessaly, Attica, Arcadia; in the second stage he considered three districts which had been occupied by the Dorians: Phocis, the Argolid and Crete; in the final stage he examined the language of inscriptions from outlying areas: Asia Minor, Egypt, Italy, Sicily.

In inscriptions from certain of these centres analysis revealed elements of a single archaic language medium which evidently had no direct connexion with the Dorians. This is clear from the fact that its traces are found in areas not occupied by the Dorians and from the substratum character of traces found in territory that was so occupied. The contents of the inscriptions (prose documents relating to religious and economic affairs) are not the stuff of poetic language. The close similarities between the language of these documents and the language of choral lyric can be explained only on the assumption of a common matrix.

Study of all this material leads the author to suggest that in the 2nd millennium, or even earlier, an archaic literary language was formed in Northern Greece — in Pelasgiotis (Thessaly) and neighbouring regions. The Dorian invasion of Greece produced a radical displacement of the population, forcing a considerable part of it to emigrate. The archaic language lost its former unity and base on the Greek mainland and fell out of use there. In other Greek centres, however, where the invaders did not reach and the departing population found refuge, it was preserved. Centuries later, under layers of later accretion, we find elements of this language in prosaic epigraphical documents from Thessaly, Attica, Phocis, the Argolid and Crete. On the same archaic foundation Greek poetic language continued to develop, and the language of choral lyric was its direct descendant.

Thus Greek choral lyric may serve as supplementary source material for reconstructing the past of the Greek people in the earliest Mycenaean epoch.